

Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika [Bulletin of the Russian People's Friendship University. Series: Psychology and Pedagogy], 2013, no. 4, pp. 5–11.

3. Libina A. V. *Sovladayushchiy intellekt: chelovek v slozhnoy zhiznennoy situatsii* [The cope intelligence: people in difficult life situations], Moscow, Eksmo Publ., 2008. 400 p.

4. Livshits R. L. *Dukhovnost i bezdukhovnost lichnosti (sotsialno-filosofskiy analiz)* [Spirituality and lack of spirituality of the person (social-philosophical analysis)], Yekaterinburg, Ural State University named A. M. Gorky Publ. House, 1997. 152 p.

5. Shadrikov V. D. *Mentalnoe razvitie cheloveka* [], Moscow, Aspekt Press Publ., 2007. 248 p.

6. Guseynov A. A. (ed.) *Eticheskaya mysl: Nauchno-publitsisticheskie chteniya. 1991* [Ethical Thought: Science-journalistic reading. 1991], Moscow, Respublika Publ., 1992. 446 p.

7. Power C., Kohlberg L. *Moral development, religious thinking and the question of a seventh stage*, San Francisco, CA, Harper&Row Publ., 1981.

РОЛЬ МОЛЧАНИЯ В ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКА ВИТГЕНШТЕЙНА И ХАЙДЕГГЕРА

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Федотова Екатерина Юрьевна, аспирант

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: philosophy.tsu@mail.ru

В статье проводится сопоставительный анализ воззрений Людвига Витгенштейна и Мартина Хайдеггера в определении роли молчания в онтологической структуре языка. Несмотря на то, что Витгенштейн и Хайдеггер представляют две противоположные традиции философствования – аналитическую и экзистенциально-герменевтическую, – в их рассуждениях можно обнаружить немало схожих черт в области анализа языкового мышления. Проведенное исследование показывает, что Витгенштейн и Хайдеггер были едины в своем убеждении, что мышление способно полностью выразить себя только через говорение и молчание. Если для Витгенштейна молчание есть способ избежать бессмыслицы в случае попыток говорить о том, что невозможно ясно выразить в языке, то Хайдеггер отводит молчанию роль «источка речи», так как язык основывается на молчании. Когда язык не способен выразить мышление, ему на смену приходит молчание. Следовательно, молчание, наряду с языком, представляет собой способ выражения мысли. Авторы выявляют не только сходства, но и существенные различия в подходах Витгенштейна и Хайдеггера при осмыслении и интерпретации понятий «язык» и «молчание».

Ключевые слова: Витгенштейн, Хайдеггер, философия языка, молчание, язык, речь, мышление, бытие

SILENCE ROLE IN ONTOLOGY OF LANGUAGE OF WITTGENSTEIN AND HEIDEGGER

Medvedev Nikolay V., D.Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya st., Tambov, 392000, Russian Federation
E-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Fedotova Yekaterina Yu., Post-graduate student

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya st., Tambov, 392000, Russian Federation
E-mail: philosophy.tsu@mail.ru

The article deals with comparative analysis of the views of Ludwig Wittgenstein and Martin Heidegger in the definition of the role of silence in the ontological structure of language. Despite the fact that Wittgenstein and Heidegger are representatives of two opposed traditions of philosophizing – analytical and existential-hermeneutic, there are many similar features in the analysis of linguistic thinking in their reasoning. The study shows that Wittgenstein and Heidegger were unanimous in their belief that thought can fully express itself only through speaking and silence. While Wittgenstein considers silence as a way to avoid nonsense when one tries to say something that cannot be clearly expressed in language, Heidegger defines silence as a “source of speech” since language is based on silence. When language is not able to express a thought, silence comes to replace it. Consequently, silence as well as language is a way of expressing thought. The authors reveal not only similarities but also significant differences in the approaches of Wittgenstein and Heidegger in their understanding and interpreting the concepts of “language” and “silence”.

Keywords: Wittgenstein, Heidegger, philosophy of language, silence, language, speech, thought, being

Людвига Витгенштейна (1889–1951) и Мартина Хайдеггера (1889–1976) справедливо считают ключевыми фигурами в философском мышлении XX столетия. Оба этих великих мыслителя стояли у истоков возникновения и развития двух ведущих философских традиций, оформившихся после «лингвистического поворота»: аналитической и экзистенциально-герменевтической. Исходя из того, что эти два направления рассматриваются как антагонистические по способам философствования, исследователи творческого наследия Витгенштейна и Хайдеггера зачастую противопоставляют этих мыслителей друг другу. Тем не менее у них можно обнаружить немало схожих черт в области философского анализа языкового мышления. Наиболее отчетливо сближение позиций Витгенштейна и Хайдеггера прослеживается в их подходах к решению проблемы границ языка [27, р. 14] и определению статуса молчания в онтологической структуре языка. Так, С. Биндеман в своем исследовании указывает, что для Витгенштейна, равно как и для Хайдеггера, «молчание представляется в виде особенности языка функционировать вне власти слов» [16, р. 7]. Когда говорение умолкает, мысль не исчезает, но переходит за языковую границу – в сферу молчания. Целью предлагаемого ниже исследования является проведение сравнительного анализа перспектив Витгенштейна и Хайдеггера, обращенных к постижению роли молчания в онтологической структуре языка. На наш взгляд, обсуждение данной темы позволяет прояснить специфику лингвофилософских позиций Витгенштейна и Хайдеггера, а также осмыслить глубину и направленность их философских размышлений.

Витгенштейн: «о чем невозможно говорить, о том следует молчать»

Молчание, являясь одним из главных аспектов философии языка Людвига Витгенштейна, обнаруживает прочную основу в практической жизни этого выдающегося австрийского мыслителя. Весьма символичным выглядит факт, отмеченный биографом философа Р. Монком: первые четыре года своей жизни будущий гений молчал [23, р. 12]; с самого рождения он предпочитал молчание «пустой болтовне». Очень важным в жизни Людвига Витгенштейна является период с 1918 по 1928 г. Этот период его творчества также можно назвать молчанием, так как на протяжении целого десятилетия австрийский мыслитель практически полностью игнорировал философскую деятельность и контакты со своими «товарищами по цеху». Исключение составили лишь его встречи с Б. Расселом по обсуждению идей «Логико-философского

трактата»; проведение нескольких философских дискуссий с Ф. Рамсеем, навещавшим его в отдаленной австрийской деревне Траттенбах, где Витгенштейн преподавал в начальной школе; редкие встречи с М. Шликом, лидером Венского кружка; и его присутствие на лекциях Л. Брауэра, которые, по существующему преданию [9, с. 3], возвратили Витгенштейна к философской деятельности после длительного перерыва.

Опубликовав «Логико-философский трактат» (1921), Витгенштейн считал, что тем самым внес весомый и самостоятельный вклад в мировую философию и на этом его философская миссия завершена. Однако в знаменитом письме своему другу Л. фон Фикеру Витгенштейн указал, что наиболее значимая из двух частей его работы была той, которую он не написал, сохранив при этом молчание: «Моя работа состоит из двух частей: первая часть представлена здесь, а вторая – все то, чего я не написал. Наиболее важной является именно эта вторая часть. <...> Я полагаю, что многие люди сегодня лишь строят предположения. Мне же в книге почти все удалось поставить на свои места, просто храня молчание об этом» [17, р. 143]. Тем не менее как утверждает южноафриканский исследователь Э. Холидей, «философия не является практикой молчания. Ни один философ не прославился и не зарабатывал на жизнь тем, что хранил молчание и не оставил после себя никаких трудов» [19, р. 1]. В связи с этим заключительное предложение витгенштейновского «Трактата»: «7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [1, с. 73] будет всегда приковывать внимание исследователей, неизбежно порождая множество различных, порой противоречащих друг другу, интерпретаций.

Седьмой тезис «Трактата» не является неким обособленным или случайным утверждением Витгенштейна, по сути, это есть логическое и концептуальное завершение его труда, в котором представлена изобразительная теория языка. Уже в предисловии «Трактата» Витгенштейн подчеркивает, что «смысл книги в целом можно сформулировать приблизительно так: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать» [1, с. 3]. Ключевым моментом в понимании такого молчания следует считать не отсутствие артикуляции, так как молчание – это не простое безмолвие, лишенное мысли, но отсутствие осмысленного произнесения слов вслух, т.е. отсутствие *логически правильного говорения*. Н. Гарвер в своем исследовании обратил внимание на то, что «так же как говорение включает в себя не только произнесение слов, молчание представляет собой не просто отсутствие звука» [18, р. 68]. То, что может быть сказано, согласно Витгенштейну, должно обладать смыслом, т.е. иметь фактуальное значение, быть истинным или ложным. Это означает, что сказанное, вне зависимости от того, является оно истинным или ложным, должно обладать возможностью быть разъясненным логически. «Цель философии, – утверждает Витгенштейну, – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений» (4.112) [1, с. 24]. В «Трактате» объявляются бессмысленными все те предложения, которые не могут быть однозначно истинными или ложными. Витгенштейн выделяет также класс логических предложений, которые лишены смысла, хотя и «описывают» («изображают») «логический каркас мира» [1, с. 62]. Противоречия не могут быть истинными, равно как и тавтологии не могут быть ложными, так как они ничего не говорят о фактах мира. Кроме того, бессмысленным набором слов являются философские предложения, поскольку они не сводимы к познавательным высказываниям, описывающим положение вещей в мире. Философия – это деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять смысл предложений. Смыслом же предложения является описываемый им факт [6, с. 66]. Не существует, заявляет Витгенштейн, никаких особых фактов или какого-то особого опыта, к которому обращается метафизика: «Когда философы употребляют слово – “знание”, “бытие”, “я”, “предложение”, “имя” – и пытаются схватить сущность вещи, то всегда

следует спрашивать: так ли фактически употребляется это слово в языке, откуда оно родом?» [2, с. 128].

При помощи категории «молчания» Витгенштейн предложил особый способ решения философских проблем, постановка которых, согласно его убеждению, основывается на «непонимании логики нашего языка» [1, с. 3]. Традиционно мыслители ставят перед собой вопросы, касающиеся смысла жизни, природы добродетели, происхождения мира, его структуры и пр. Но ответы на эти вопросы не могут быть выражены в предложениях, соответствующих требованиям изобразительной теории языка. Следовательно, «большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь установить их бессмысленность» (4.003) [1, с. 18]. По мнению Витгенштейна, на вопросы, поставленные философами, мы не можем дать никакого ответа в силу их бессмысленности, это указывает на то, что они «на самом деле не есть проблемы». Мы ничего не можем сказать о них на нашем фактуальном языке, следовательно, должны хранить молчание. Как подчеркивает Н. Гарвер, они останутся бессмысленными, «даже если будут не только произнесены, но <...> если мы их прокричим с крыши. Выкрикивание ни о чем не говорит» [18, р. 68]. Из всего этого следует, что даже выкрикивание мы можем отнести к некоторой форме молчания, если под молчанием подразумевается отсутствие логически проясненного говорения.

Согласно Витгенштейну, мысль включает в себя два аспекта: логический и лингвистический [28, р. 83]. Первый из них апеллирует к третьему тезису «Трактата»: «Мысль – логическая картина факта» (3) [1, с. 10], тогда как второй – к четвертому тезису: «Мысль – осмысленное предложение» (4) [1, с. 18].

По утверждению Витгенштейна, мир представляет собой совокупность фактов, которые располагаются в логическом пространстве: «Мир – это факты в логическом пространстве» (1.13) [1, с. 5]. В логическом пространстве факты отображаются при помощи образов мыслей, которые в то же время являются логическими образами. «Картина – модель действительности» (2.12) [1, с. 8]. Логический язык в качестве такой модели имеет картину. Все то, что остается за границами логического языка, принадлежит молчанию. Финский философ Х. Аппелквист в своем исследовании указывает на две категории фактов: «факты, которые выразимы в осмысленном языке, и факты, которые следует обходить молчанием» [15, р. 44]. Но мысль это не только логический образ фактов, это также осмысленное предложение языка. Два этих компонента мысли тесно связаны понятием *картины* (picture).

По существу, Витгенштейн утверждает, что язык имеет границы, тогда как мысль безгранична. Когда язык больше не способен выразить мысль, ему на смену приходит молчание. Следовательно, для того чтобы выразить себя в полной мере мысль прибегает к использованию как языка, так и молчания. Здесь можно предположить, что подобное молчание представляет собой своего рода «языковое молчание» [28, р. 82] в соответствии с утверждением самого Витгенштейна, согласно которому граница мышления «может быть проведена только в языке» [1, с. 3]. Подтверждением безграничности мысли является невозможность мышления за его пределами. По утверждению Витгенштейна, для того чтобы провести границу мышления – необходимо обладать способностью мыслить по обе стороны этой границы, иными словами, «иметь возможность мыслить немислимое» [1, с. 3]. Само предположение о наличии у человека возможности «мыслить немислимое» является по своей сути абсурдным. Мы приходим к выводу о невозможности установления границ мышления. Мышление не имеет границ. Но мы вполне способны очертить границу языка, поскольку мы можем мыслить в пространстве молчания, т.е. по ту сторону языка. Более того, согласно Витгенштейну, именно молчание является необходимым условием возможности осмысленного говорения [24, р. 64], так как оно позволяет мыслить вне границ языка.

Необходимо отметить, что Витгенштейн в «Трактате» помещает между говорением и языковым молчанием феномен *показывания*: то, что не может быть сказано, «показывает себя» (6.36) [1, с. 68]. Показывание не принадлежит молчанию, но вместе с тем оно не есть акт осмысленного говорения. Показывание не молчит, тем не менее его нельзя назвать логическим, поскольку не существует особых логических фактов и особых логических объектов. Не располагаясь в логическом пространстве, показывание не побуждает к молчанию. Часть того, что не может быть сказано, может быть показана. Важность такого компонента языка, как показывание для понимания основной мысли «Трактата», американский исследователь П.Р. Хорн описывает следующим образом: «Как сообщает Витгенштейн в письме к Бертранию Расселу, различие между тем, что может и тем, что не может быть выражено посредством предложений языка является центральной темой «Трактата». Это есть различие между словесным выражением и показыванием» [20, р. 103]. В результате показывание, наравне с говорением и молчанием, является ключевым элементом выражения мысли. К области показывания относится логика нашего мира, мышления и языка.

В «Трактате» Витгенштейна представлена *изобразительная* теория предложений, согласно которой предложения являются картинками той реальности, которую они описывают [23, р. 119]. Витгенштейн называет предложение логической картиной, а структуру предложения – логико-изобразительной структурой [22, р. 3]. Эта идея Витгенштейна включает в себе представление, что логические предложения являются основными носителями смысла: «Предложение *показывает* логическую форму действительности. Оно предъясвляет ее» [1, с. 25]. Предложения, как картины, существуют только в логическом пространстве, которое определяет как форму, так и содержание предложения. Следует подчеркнуть, что у раннего Витгенштейна «все предложения повседневного языка являются “картинами”, описывающими ту, или иную ситуацию в логическом пространстве» [5, с. 46]. Впоследствии, изобразительная теория предложений, необходимость которой казалась в «Трактате» очевидной, была подвергнута резкой критике самим Витгенштейном в его поздних работах. Наиболее полное ее переосмысление представлено в его «Философских исследованиях» (1953).

В «Философских исследованиях» изложена не столько новая концепция языка, сколько осуществлено последующее развитие витгенштейновской идеи «критики языка» и дан философский анализ форм употребления повседневного языка, представляющего один из компонентов молчания в соответствии с «Логико-философским трактатом». Молчание определяется как место для языковых игр, в которых значение слова задается через его употребление в речи. Языковые игры свидетельствуют об интересе позднего Витгенштейна к прагматическому аспекту языка. Если в «Трактате» граница языка была очерчена логикой, то в «Философских исследованиях» его границы заданы *грамматикой*. «*Сущность* ярко выражается в грамматике», – говорит Витгенштейн (§ 371) [2, с. 200]. Таким образом, от логики Витгенштейн переходит к философской грамматике, которая призвана прояснить логику повседневного языка. Именно грамматика не допускает возможности индивидуального языка, представляющего собой «логически недоступный для другого субъекта язык, правилам которого может следовать только говорящий на нем» [5, с. 67]. Витгенштейн, выдвигая аргументы против построения индивидуального языка, подчеркивает, что подобный язык говорящий не смог бы использовать даже для общения с самим собой [5, с. 67]. Однако Витгенштейн не исключал возможности существования «чистого» монолога как такой языковой игры, в которой участвует лишь один игрок (§ 243) [2, с. 171]. Подобную языковую игру нельзя представить в виде индивидуального языка, так как сторонний наблюдатель такого монолога вполне способен понять и верно интерпретировать сказанное на «общем» для всех языке. Таким образом, в «Философских исследованиях» «границы языка были преодолены в пользу молчания, а границы молчания окутаны языковыми играми» [28, р. 84].

Хайдеггер: молчание как «исток речи»

Обращение М. Хайдеггера к проблеме языка было связано с его исследованиями вопроса о смысле бытия, ответ на который помогает человеку раскрыть значение его собственной экзистенции. Язык рассматривается как реальность, которая выявляет сущность человека как говорящего существа. Проблема языка была поставлена немецким мыслителем «в центр всей философской проблематики, а сам язык в его естественном виде был подвергнут осмыслению, переработке и трансформации» [11, с. 127]. Представляя язык в качестве «дома бытия», Хайдеггер отмечает, что «в жилище языка обитает человек» [13, с. 192], т.е. человек как личность, формируемая своей причастностью к бытию, вступает в пространство бытия только через язык.

Хайдеггер отказывается следовать общепринятой исследовательской стратегии – выявлять всеобщее, значимое для любого языка, что обычно определяется как «сущность». Недостаток подобной логики рассуждения связан с ущербностью результата, который открывает нам лишь внешнюю перспективу языка. Чтобы оказаться «внутри» языка нужно, считает Хайдеггер, научиться «жить в говоре языка». Традиционные представления о языке как звуковом выражении внутренних переживаний, как форме человеческой деятельности или как образно-понятийном отражении задают, по мнению Хайдеггера, спектр разнообразных научных способов анализа языка. Немецкий философ не рассматривает их как ошибочные характеристики языка, которые возвращают нас к исходным рубежам традиции. И все же подобные представления, считает он, никогда не смогут привести к «языку как языку», к пониманию того, что говорит язык, а не человек, в руках которого язык превращается в средство, инструмент для необходимой коммуникации с другими людьми.

Здесь следует отметить, что «ранний» Хайдеггер принципиально противоположен Хайдеггеру позднего периода творчества в осмыслении связи человека и бытия. «Если в первый период он стремился понять бытие, идя от человеческого способа бытия, то во второй период он хочет исходить из самого бытия, чтобы отсюда понять и человека, и всякое иное сущее» [3, с. 354]. Тем не менее, как для первого, так и для второго периодов философствования ключевым понятием у Хайдеггера остается *Dasein*.

Важно подчеркнуть, что Хайдеггер, разработав собственную специфическую терминологию, наделил особым смысловым содержанием каждое из своих понятий. Некоторые исследователи отмечают, что «Хайдеггер экспериментирует со словами, придумывает слова, придает обыкновенным, обыденным словам новое значение» [10, с. 22]. Так, понятие *Dasein*, пронизывающее творчество немецкого философа на протяжении всего периода его философствования, представляет значительные трудности для исследования философского наследия Хайдеггера не только за сложность вложенного в него смысла, но и за трудность интерпретации этого термина на других языках.

Изначально не отражая в себе какой-либо специфической философской окраски, немецкое слово *Dasein*, появившееся в XVII в., означало «присутствие». Впоследствии оно стало немецким эквивалентом понятия «существования», при переводе с латыни термина «*existentia*» [7, с. 203]. Исходя из этого, Хайдеггер вкладывает в понятие *Dasein* онтологический смысл. В «Бытии и времени» (1927) он указывает, что *Dasein* изначально задан как «бытие в мире», а способы его «вхождения» в мир он обозначает термином «экзистенциал» [12, с. 36].

Одним из фундаментальных экзистенциалов *Dasein* является «речь». Язык и речь неразрывно связаны с понятием бытие. Сама сущность языка происходит из его взаимосвязи с бытием. Хайдеггер указывает, что «язык есть язык бытия, как облака – облака в небе» [13, с. 220]. Речь, в свою очередь, представляет собой «экзистенциально-онтологический фундамент» [12, с. 147] бытия, а не просто реализацию определенной языковой системы. Здесь следует отметить важную особенность понятия «язык», способствующую возникновению затруднений при переводе этого значения на другие языки. В немецком языке слово «*Sprache*» одновременно означает «язык» и

«речь». В то же время в русском языке - это различные лексические единицы, не тождественные друг другу. Кроме того, существует еще одно немецкое слово «Rede», обозначающее «язык» как «говорение», или конкретно практическую речь.

При обращении к такому экзистенциалу *Dasein* как «речь», которую мы рассматриваем здесь в качестве *говорения*, следует отметить, что она включает в себя две категории: *слушание* и *молчание*. Хайдеггер объясняет это следующим образом: «К говорящей речи принадлежат как возможности слушание и молчание. На этих феноменах конститутивная функция речи <...> только и становится вполне ясной» [12, с. 161]. Помимо конститутивной, речь выполняет также разъяснительную функцию [29, с. 50]. Исходя из того, что речь располагает слушанием и молчанием, становятся возможными объяснение и понимание сказанного.

Сама речь начинается со слушания. Молчание же наступает после речи. Согласно Хайдеггеру, молчание выступает как возможность говорения. Но прежде чем что-то сказать, надо услышать. Таким образом, молчание и говорение имеют один общий «экзистенциальный фундамент» – понимание. Только изначально понимающие могут слушать и слышать. С другой стороны, тот «кто умолкает в разговоре, может в более собственном смысле “дать понять”, чем тот, у кого слово не иссякает» [13, с. 426]. Возникновение речи Хайдеггер связывает с пониманием того, во что вслушиваешься. Слушание языка является предпосылкой для говорения, иначе говорение будет бессмыслицей. Говорение есть одновременно и слушание – такое слушание, которое, по сути, есть процесс понимания бытия. Иными словами, говорение на языке равнозначно слушанию слов, предназначенных языком для того, чтобы передать высказывание, выраженное молчанием. Отсюда следует, что человек говорит только в том случае, если его разговор происходит на языке посредством слушания слов, предназначенных ему самим языком. Слушание, в свою очередь, связано с пониманием следующим образом: Хайдеггер отмечает, что когда мы не слышим отчетливо, мы приходим к выводу, что не понимаем. «*Dasein* слышит, потому что он понимает. Понимание относится к тому, что уже сказано и уже услышано» [29, р. 51]. Тем самым, слушание представляет собой слушание слов языка, но это не технический процесс восприятия слов на слух.

Пожалуй, ключевой категорией речи, непосредственно связанной с категорией слушания, а, следовательно, пониманием, является молчание. Эти категории имеют прочную взаимосвязь: когда кто-то слушает – это значит, что он молчит на языке. Молчание, по Хайдеггеру, даже более важно, нежели говорение. Хайдеггер указывает на то, что «молчать – не означает быть немым» [12, с. 164]. Молчание способствует пониманию и является основой умения слушать. Когда мы слушаем, мы молчим на языке, так как сущность языка не ограничивается тем, что он является средством общения. Молчание, по Хайдеггеру, это не просто отсутствие речи или ее отрицание, но это «исток речи, речь в ее чистом бытии» [4, с. 257]. Сам язык коренится в молчании, т.е. «язык основывается внутри молчания» [13, с. XI]. В процессе молчания человек слушает, а слушая, он что-то улавливает и понимает. Поняв что-то, он приобретает возможность что-то сказать. При этом, являясь «истоком речи», молчание является и ее завершением: что-то сказав, человек замолкает. «Речь и молчание могут быть уподоблены сущему и бытию. Бытие и есть сущее, и не есть. Так же молчание: и вызывает к наличию речь, и снимает ее во всеобъемлющей торжественности истины» [4, с. 258].

В своих размышлениях Хайдеггер помещает язык и говорение на нем в «игру языкового молчания» [29, р. 50], обращая при этом внимание на неоднозначность слов. Здесь важно отличать «игру языкового молчания» от «языковой игры», которая, согласно австрийскому философу Людвигу Витгенштейну, «есть система действующих правил, детерминирующих функции лингвистических знаков через их применение» [5, с. 170]. По утверждению С. Биндемана: «Хайдеггер показывает нам, что подобная “игра языкового молчания” является возвратом к древнегреческому способу

мышления, который уходит своими корнями в словесный *логос*» [15, р. 11]. Таким образом, мы можем говорить о молчании языка и языке молчания. Каждое из этих понятий берет свое начало в говорении (речи), как экзистенциале *Dasein*. Молчание, речь, язык приобретают у Хайдеггера онтологический оттенок.

Исследователь О. Пеггелер рассуждает о согласии Хайдеггера с древними греками в том, что последние рассматривают *логос* как «изначально собранный воедино». Язык в своем изначальном состоянии является собранным воедино, без его озвучивания. Иными словами, язык без речи представляет собой только слушание, он является молчанием. *Логос* выражен молчанием. «Язык без озвучивания и собирающий воедино молчание – есть язык сущности» [26, р. 220]. Следовательно, язык, согласно Хайдеггеру, указывает нам путь к сущности вещи. Этот путь к сущности предоставляется нам не случайно, «как если бы сущее, являющееся молчанием, было бы заранее подготовлено и даровано нашему пониманию» [29, р. 51]. Молчание, по Хайдеггеру, это молчание мыслящее, которому присуща своя «логика» – *Sigetics* [26, р. 223]. В переводе с греческого языка, «σιγή» означает «молчать». Так, греческий *логос* говорит языком молчания. У Хайдеггера «*Sigetics* представляет собой “логику” истины Бытия, которая находится “на пути к языку”» [26, р. 224]. Хайдеггер пытается обосновать в мыслящем молчании – молчание языковое. Следовательно, *Sigetics* не несет в себе идеи, в соответствии с которой речь должна быть заменена молчанием, или молчание должно приобрести какое-либо преимущество по отношению к речи. Напротив, *Sigetics* представляет собой принципиально важную особенность мышления, которая вложена в молчание.

Таким образом, при помощи молчания, язык раскрывает и поддерживает в разговоре бытие как таковое. Исходя из того, что язык включает такие категории, как слушание и молчание, он представляет собой нечто большее, чем коммуникативный инструмент, используемый человеком для обмена информацией. Более того, язык сам управляет человеком. В определенных условиях он обнаруживает в себе возможность располагаться в центре раскрытия бытия, т.е. только там, где существует язык – существует мир. Хайдеггер отмечает, что язык не является объектом, язык является «господином человека» [29, р. 51]; т.е. не человек говорит на языке, а язык говорит (*Sprache spricht*) через человека.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что Витгенштейн и Хайдеггер были едины в своем убеждении, что мышление способно выразить себя полностью только через говорение и молчание. Однако если для Витгенштейна молчание является способом избежать бессмыслицы в случае попыток говорить о том, что невозможно ясно высказать в языке, то Хайдеггер отводит молчанию роль «источка речи», так как язык, согласно его мнению, основывается на молчании.

Безусловно, существуют ощутимые различия в подходах к осмыслению и интерпретации таких понятий как «язык» и «молчание» в философских системах Витгенштейна и Хайдеггера. Если Витгенштейн исследует язык в рамках эпистемологической традиции, опираясь на логику и логический анализ предположений, то у Хайдеггера язык тяготеет к поэтическому литературному языку [25, р. 138]. Тем не менее, Хайдеггер, осмысливая язык как таковой через взаимосвязь говорения и молчания, сближается с Витгенштейном в том, что сказанное или написанное посредством слов никогда не способно охватить безграничность мысли. В таком случае молчание, равно как и язык, представляет собой способ выражения мысли: когда язык уже не способен выразить мысль, ему на смену приходит молчание.

Как отмечает К. Кенни, «молчание проявляется во многих формах» [21, р. 69], но когда мы рассматриваем категорию молчания в контексте философии Витгенштейна и Хайдеггера, то сталкиваемся с такой формой, как *языковое молчание*. Вит-

генштейн подчеркивает, что молчание является следствием невыразимости мысли посредством слов, однако между говорением и молчанием он помещает возможность *показывания*: «то, что не может быть высказано ясно – показывает себя» (6.36) [1, с. 68]. Таким образом, показывание, наравне с молчанием и говорением, относится к основным способам выражения мысли. Хайдеггер, в свою очередь, утверждает, что молчание не является безмолвием или отсутствием речи. Молчание на языке – это основа умения слушать, обуславливающее саму возможность понимания. Язык, согласно немецкому мыслителю, находит свое основание в молчании, которое, с одной стороны, предшествует речи, а с другой – является ее завершением.

Особое внимание оба философа уделяют разъяснительной функции языка. Согласно Витгенштейну, цель философии заключается в прояснении мыслей. «Философская работа состоит по существу из разъяснений. Философия это не теория, а деятельность» (4.112) [1, с. 24]. Следовательно, философия должна предоставить соответствующий язык для преобразования мышления в действие, являющегося разъяснением. Но язык такого разъяснения обязательно должен быть логическим, иначе подобная деятельность будет бессмысленной. Все, что выходит за рамки логического языка, относится к сфере молчания. В этом отношении Хайдеггер подчеркивает, что среди прочих экзистенциалов *Dasein*, язык, представленный говорением, является способом выражения мысли и имеет прочную взаимосвязь с пониманием. Исходя из этого, язык располагается в основе объяснения. В конечном итоге, разъяснительная функция языка становится возможной благодаря тому, что речи принадлежат в качестве категорий слушание и молчание.

Следует также подчеркнуть, что сближение позиций Витгенштейна и Хайдеггера наблюдается, с одной стороны, в прагматическом подходе позднего Витгенштейна и философии Хайдеггера до *поворота*, который в свое время предвосхитил многие положения в философии Витгенштейна после длительного периода его творческого молчания. С другой стороны, мы отмечаем схожесть в философии раннего Витгенштейна и Хайдеггера второго периода своего творчества, когда философствование обоих мыслителей было мистически ориентировано. По этому поводу Р. Рорти высказался следующим образом: «эти два великих встретились на середине пути, направляясь в противоположные стороны» [8, с. 122]. Если ранний Витгенштейн, рассуждая по поводу существования невысказываемого, показывающего себя в качестве мистического, призывал молчать о том, о чем сказать невозможно, поздний Хайдеггер предлагал в этом случае стать поэтом.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат : пер. с англ. / Л. Витгенштейн // Философские исследования. – Москва : Гнозис, 1994. – Часть I. – 612 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования : пер. с англ. / Л. Витгенштейн // Философские исследования. – Москва : Гнозис, 1994. – Часть I. – 612 с.
3. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века / П. П. Гайденко. – Москва : Республика, 1997. – 496 с.
4. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала / А. Г. Дугин. – Москва : Академический Проект; Фонд «Мир», 2010. – 389 с.
5. Медведев Н. В. Философия Людвига Витгенштейна и проблемы понимания других культур / Н. В. Медведев. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2009. – 382 с.
6. Медведев Н. В. Трансформация философии (К 125-летию со дня рождения Людвига Витгенштейна) / Н. В. Медведев // Философские традиции и современность. – 2014. – № 1(5). – С. 63–80.
7. Михайлов И. А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни / И. А. Михайлов. – Москва : «Прогресс-Традиция»; «Дом интеллектуальной книги», 1999. – 284 с.

8. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка / Р. Рорти // Философия Мартина Хайдеггера и современность / отв. ред. Н. В. Мотропилова. – Москва : Наука, 1991. – 253 с.
9. Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. : курс лекций / З. А. Сокулер. – Долгопрудный : Алэгро-Пресс, 1994. – 169 с.
10. Торчинов Е. А. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / Е. А. Торчинов, М. Я. Корнеев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 324 с.
11. Фалев Е. В. Герменевтика Мартина Хайдеггера / Е. В. Фалев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 224 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и Время : пер. с нем. / М. Хайдеггер ; пер. В. В. Бибихина. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 451 с.
13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
14. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем. / М. Хайдеггер ; пер. А. В. Михайлова. – Москва : Гнозис, 1993. – 464 с.
15. Appelqvist H. Why does Wittgenstein say that ethics and aesthetics are one and the same? / H. Appelqvist ; P. Sullivan & M. Potter (eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 40–58.
16. Bindemann S. L. Heidegger and Wittgenstein, the Poetics of Silence / S. L. Bindemann. – University Press of America, 1981. – 153 p.
17. Engelmann P. Letters from Ludwig Wittgenstein / P. Engelmann. – New York : Horizon Press, 1967.
18. Garver N. The “Silence” of Wittgenstein and Kraus / N. Garver // Interdisciplinary conference on Writing the Austrian Tradition. – Toronto, 2000. – P. 67–79.
19. Holiday A. Wittgenstein’s Silence: Philosophy, Ritual and the limits of language / A. Holiday // Language & Communication. – 1985. – Vol. 5, issue 2. – P. 133–142.
20. Horn P. R. Gadamer and Wittgenstein on the Unity of Language: Reality and Discourse without Metaphysics / P. R. Horn. – Hampshire : Ashgate Publishing, 2005. – 150 p.
21. Kenny C. The Power of Silence: Silent Communication in Daily Life / C. Kenny. – Karnac Books, 2001. – 304 p.
22. Mohrfeld J. C. Wittgenstein, Kierkegaard and the Unspeakable / J. C. Mohrfeld // Journal of Undergraduate Research at Minnesota State University. – 2005. – Vol. 5, article 17. – Available at: <http://cornerstone.lib.mnsu.edu/jur/vol5/iss1/17/>.
23. Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius / R. Monk. – Penguin Books, 1991. – 154 p.
24. Mualem S. Borges and Wittgenstein on the borders of language: the role of silence in "The God's Script" and the Tractatus Logico-Philosophicus / S. Mualem // Variaciones Borges. – 2002. – P. 61–78.
25. Platt R. Ontological Excess and the Being of Language / R. Platt // Minerva – An Internet Journal of Philosophy. – 2009. – No. 13. – P. 114–143.
26. Pöggeler O. Martin Heidegger's Path of Thinking / O. Pöggeler. – NY : Humanity Books, 1989. – 313 p.
27. Strand N. The Limits of Silence: Descartes, Heidegger, and Wittgenstein on Philosophy and Ordinary Language / N. Strand // Descartes and Cartesianism. – Cambridge Scholars Press, 2005. – P. 133–159.
28. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence / Ș. Vlăduțescu // International Letters of Social and Humanistic Sciences. – 2014. – No. 5. – P. 81–86.
29. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Martin Heidegger: Sygetics – Logics of Thinking Silence / Ș. Vlăduțescu // International Letters of Social and Humanistic Sciences. – 2014. – No. 6. – P. 49–54.

References

1. Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], Moscow, Gnozis Publ., 1994, part I. 612 p.
2. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], Moscow, Gnozis Publ., 1994, part I. 612 p.
3. Gaydenko P. P. *Proryv k transsendentnomu. Novaya ontologiya XX veka* [The breakthrough to the transcendent. New ontology of the XX century], Moscow, Respublika Publ., 1997. 496 p.

4. Dugin A. G. *Martin Heidegger: filosofiya drugogo Nachala* [Martin Heidegger: Philosophy Home], Moscow, Akademicheskiy Proekt Publ., Fond «Mir» Publ., 2010. 389 p.
5. Medvedev N. V. *Filosofiya Lyudviga Vitgenshteyna i problemy ponimaniya drugikh kultur* [Philosophy of Ludwig Wittgenstein and the problem of understanding of other cultures], Tambov, Tambov State University named G. R. Derzhavin Publ. House, 2009. 382 p.
6. Medvedev N. V. Transformatsiya filosofii (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya Lyudviga Vitgenshteyna) [Transformation of Philosophy (the 125th anniversary of the birth of Ludwig Wittgenstein)]. *Filosofskie traditsii i sovremennost* [Philosophical Tradition and Modernity], 2014, no. 1(5), pp. 63–80.
7. Mikhaylov I. A. *Ranniy Heidegger: Mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni* [Early Heidegger: Between phenomenology and philosophy of life], Moscow, «Progress-Traditsiya» Publ., «Dom intellektualnoy knigi» Publ., 1999. 284 p.
8. Rorti R. Vitgenshteyn, Heidegger i gipostazirovanie yazyka [Wittgenstein, Heidegger and hypostatization language]. *Filosofiya Martina Heideggera i sovremennost* [Philosophy of Martin Heidegger and Modernity], Moscow, Nauka Publ., 1991. 253 p.
9. Sokuler Z. A. *Lyudvig Vitgenshteyn i ego mesto v filosofii XX v.* [Ludwig Wittgenstein and the philosophy of the XX century], Dolgoprudnyi, Alegro-Press Publ., 1994. 169 p.
10. Torchinov Ye. A., Komeev M. Ya. *Heidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitelnosti kultur* [Heidegger and Eastern philosophy: the quest for complementarity cultures], Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2001. 324 p.
11. Falev Ye. V. *Germenevtika Martina Heideggera* [Hermeneutics Martin Heidegger], Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2008. 224 p.
12. Heidegger M. *Bytie i Vremya* [Being and Time], Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 451 p.
13. Heidegger M. Pismo o gumanizme [Letter on Humanism]. *Vremya i bytie: Stati i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches], Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
14. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [The works and reflections of different years], Moscow, Gnozis Publ., 1993. 464 p.
15. Appelqvist H. *Why does Wittgenstein say that ethics and aesthetics are one and the same?* Oxford, Oxford University Press Publ. House, 2013, pp. 40–58.
16. Bindemann S. L. *Heidegger and Wittgenstein, the Poetics of Silence*, University Press of America Publ. House, 1981. 153 p.
17. Engelmann P. *Letters from Ludwig Wittgenstein*, New York, Horizon Press Publ. House, 1967.
18. Garver N. The “Silence” of Wittgenstein and Kraus. *Interdisciplinary conference on Writing the Austrian Tradition*, Toronto, 2000, pp. 67–79.
19. Holiday A. Wittgenstein’s Silence: Philosophy, Ritual and the limits of language. *Language & Communication*, 1985, vol. 5, issue 2, pp. 133–142.
20. Horn P. R. *Gadamer and Wittgenstein on the Unity of Language: Reality and Discourse without Metaphysics*, Hampshire, Ashgate Publishing Publ., 2005. 150 p.
21. Kenny C. *The Power of Silence: Silent Communication in Daily Life*, Karnac Books Publ., 2001. 304 p.
22. Mohrfeld J. C. Wittgenstein, Kierkegaard and the Unspeakable. *Journal of Undergraduate Research at Minnesota State University*, 2005, vol. 5, article 17. Available at: <http://cornerstone.lib.mnsu.edu/jur/vol5/iss1/17/>.
23. Monk R. *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius*, Penguin Books Publ., 1991. 154 p.
24. Mualem S. Borges and Wittgenstein on the borders of language: the role of silence in “The God’s Script” and the Tractatus Logico-Philosophicus. *Variaciones Borges*, 2002, pp. 61–78.
25. Platt R. Ontological Excess and the Being of Language. *Minerva – An Internet Journal of Philosophy*, 2009, no. 13, pp. 114–143.
26. Pöggeler O. *Martin Heidegger's Path of Thinking*, NY, Humanity Books Publ., 1989. 313 p.
27. Strand N. The Limits of Silence: Descartes, Heidegger, and Wittgenstein on Philosophy and Ordinary Language. *Descartes and Cartesianism*, Cambridge Scholars Press Publ., 2005, pp. 133–159.
28. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 2014, no. 5, pp. 81–86.
29. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Martin Heidegger: Sygetics – Logics of Thinking Silence. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 2014, no. 6, pp. 49–54.